

В конце всего — тайна, которая не имеет ни конца, ни объяснения.

Сашеверелл Ситуэлл. В поисках Золотого города

МЕЧИ

Corazón malherido
Por cinco espadas.¹
*Федерико Гарсиа
Лорка*

Что сказать о моем первом опыте?
Мой первый опыт куда больше напоминал испытание, чем все, что случилось со мной впоследствии. Этот опыт оказался не слишком приятным и, несомненно, был проверкой. Я не раз замечал, что с новичками — иногда кажется, что только с новичками, — зачастую происходят странные вещи. Когда вы хорошо знакомы с предметом, не происходит ровным счетом ничего. Понятие «предмет» в данном случае надо понимать весьма расширительно. После того как у вас было, скажем, шесть, семь или восемь женщин, все остальные покажутся более или менее одинаковыми.

Так вот, я, бесспорно, был новичком, свежим, как весенний лук. Более того, я был самым настоящим маменькиным сыночком, абсолютно не знал жизни

¹ О, гитара,
Бедная жертва
Пяти проворных кинжалов! (Пер. с исп.: Марины Цветаевой.)

и испытывал трепет перед ее грубостью. Впрочем, у меня нет ни малейшего желания упрекать хоть в чем-то свою старенькую матушку. Для матери она очень даже неплоха, и мне по-прежнему удается ладить с ней лучше, чем с большинством других женщин.

У нее имелся брат, мой дядя Элайас. Нелишним будет упомянуть, что мы считались потомками семейства, представители которого из поколения в поколение занимались гончарным делом; не знаю, впрочем, насколько это соответствует истине. Помню, бабушка показывала мне какие-то черепки в качестве доказательства, но это меня не слишком убедило. Так вот, после того как мой отец погиб в результате несчастного случая, мама упросила дядю Элайаса взять меня на работу. У него была бакалейная лавка, где он вел торговлю без особого размаха, отдавая предпочтение дешевым товарам. Он заявил, что на первых порах будет использовать меня главным образом для деловых поездок — это, мол, поможет мне быстрее войти в курс дела. Мама была очень расстроена, так как отец мой погиб в автомобильной катастрофе; кроме того, она полагала, что частые путешествия опасны для моей нравственности. Но дядя непреклонно стоял на своем, и мне пришлось проводить время в бесконечных разъездах.

Должен признать, над моей нравственностью действительно постоянно нависала угроза, но я был таким простаком и трусом, что сумел благополучно избежать всех этих угроз. Насколько это было возможно, я старался держаться подальше от парней, с которыми знакомился во время путешествий. Я не сомневался в том, что они окажут на меня дурное

влияние, и среди них чувствовал себя ребенком, попавшим на взрослую вечеринку. В торговле я не смыслил ровным счетом ничего, к тому же был ужасающе одинок, и это не просто слова. Жизненные перспективы, которые обещал дядя Элайас, внушали мне отвращение, но я не представлял, чем еще могу заниматься. Протаскавшись по дорогам более двух лет, я узнал о своей нынешней работе в строительном обществе — если быть точным, прочел о ней в местной газете — и заявил дяде Элайасу, что отныне он будет заниматься бакалейной торговлей без моей помощи.

По большей части во время поездок мы останавливались в маленьких отелях — некоторые из них были не так уж плохи и в отношении комнат, и в отношении еды. Но в нескольких городах мы — я и постоянный сотрудник дяди Элайаса, унылый тип по фамилии Бэнток, — останавливались только в меблированных комнатах, которые нам настойчиво рекомендовал дядя Элайас. До сих пор не могу понять, почему он настаивал, чтобы мы ночевали именно там. Скорее всего, дядя получал за это откат — подобное предположение, что называется, лежит на поверхности. Но иногда мне приходит в голову: а что, если старые девы, содержательницы этих комнат, в более или менее отдаленном прошлом были возлюбленными дяди Элайаса? Как-то раз я даже заговорил об этом с Бэнтоком, но тот заявил, что ему ровным счетом ничего не известно. Он вообще редко признавался, что ему что-либо известно — разумеется, если речь не шла о ценах на стиральный порошок и виски. Проработав на дядю сорок два

года, он умер от тромбоза в Рочдейле. Что касается миссис Бэнтон, она в течение многих лет была дядиной любовницей, с которой он то сходился, то расходился. Об этом все знали.

Что же до содержательниц меблированных комнат, то они обычно вели себя так, словно мое предположение соответствовало истине. Вы даже не представляете, какой кошмар творился в их заведениях. Шум по ночам стоял такой, что выспаться было невозможно; то и дело какая-нибудь полуодетая шлюха принималась колотить в дверь и орать, что клиент собирается ее задушить или уйти, не заплатив. Некоторые постояльцы даже приводили к себе мальчиков, что до сих пор остается за пределами моего понимания. О подобных вещах мне доводилось и читать, и слышать, но понять их я не в состоянии.

В такой-то обстановке я вынужден был находиться во всем блеске своей незапятнанной чистоты. Над этой самой чистотой содержательницы притонов постоянно потешались. Не знаю, как мирился с этим старина Бэнтон. Мы с ним никогда не жили в подобных местах одновременно. Самое смешное состоит в том, что мама была уверена — в этих меблированных комнатах я в полной безопасности, ведь их посоветовал нам с Бэнтоком дядя, неустанно пекущийся о нашем благе.

Разумеется, ночевать в подобных притонах мне приходилось не всегда. Но это неизменно случалось, когда я путешествовал один. Я заметил — в тех случаях, когда Бэнтон снабжал меня какими-то контактами и наводками, все они находились в городах, где у нас была возможность остановиться в нормальном

отеле. Тем не менее Бэнтон, как и я, порой был вынужден ночевать в этих пресловутых мебелирашках, но никогда не обсуждал их.

Одним из городов, где находились заведения из списка дяди Элайаса, был Вулверхэмптон. В первый раз я оказался там, проработав всего около четырех или пяти месяцев. Остановившись в подобных местах мне уже приходилось, и именно по этой причине сердце мое сжалось от дурных предчувствий, когда мутноглазая корова в бигудях и грязном комбинезоне распахнула передо мной дверь.

Заняться в этих мебелирашках было абсолютно нечем. Негде даже посидеть и посмотреть телек. Все, что оставалось — отправиться в какой-нибудь бар и выпить или же выбрать шлюху по фотографии и пригласить ее в номер. Ни одна из этих идей меня не привлекала, и в результате я пошел прогуляться по городу. Полагаю, дело было в конце весны или в начале лета, потому что на улице было тепло, но не слишком жарко. Когда я допил чай — для этого мне пришлось зайти в кафе, ибо в мебелированных комнатах было невозможно даже выпить чаю, — сумерки только начали сгущаться.

Шатаясь по улицам Вулверхэмптона, где все встречные девушки, завидев меня, хихикали — или же так мне казалось, — я наткнулся на небольшую ярмарку. Города я совершенно не знал и, бредя по берегу старого канала, оказался в каком-то обветшалом районе. Главные его улицы были довольно широки, но теперь, вечером, тихи и почти пустынные — лишь время от времени по мостовой с грохотом проезжал грузовик, да иногда встречалась стайка играющих

детей. Вдоль узеньких переулков, отходивших в сторону от главных улиц, тянулись ряды невысоких домов; судя по заколоченным или же выбитым окнам и продырявленным крышам, многие из них пустовали. Заслышав звуки, долетающие с ярмарки, я пошел в ту сторону; то была не гремящая через усилители попса, не уханье старых паровых органов, но нежный звон, странным образом соответствующий теплomu вечеру и розоватым сумеркам. Звук этот меня заинтересовал, к тому же у меня не было ровным счетом никаких дел, и я брел по пустынным улицам, пока не выяснил, что происходит.

Да, то была ярмарка, хотя и совсем маленькая; с десяток прилавков, где несколько детей развлекались, бросая кольца или паля из игрушечных винтовок, пара-тройка крытых палаток, а посередине — небольшая карусель. Выглядела карусель очень мило; в центре — снежная королева в окружении кристаллов льда, вокруг нее — разноцветные санки, рассчитанные на двоих седоков, над ними — множество ярких фонариков. Около карусели стояла белокурая девушка в костюме Пьеретты, очень красивая. По крайней мере, мне она тогда показалась настоящей красавицей. Несомненно, в ее обязанности входило собирать деньги с желающих покататься на карусели; проблема заключалась в том, что таковых не имелось. Ни единого. Да и вообще, народу вокруг было немного; неудивительно, что взгляд девушки упал на меня. Чувствуя неловкость за то, что мне не с кем прокатиться, я торопливо отвернулся. Попросить девушку сесть вместе со мной у меня не хватило смелости; к тому же я полагал, что кататься ей категорически запрещено.

Если только она сама не являлась владелицей карусели.

Ярмарка находилась на небольшом пустыре; вероятно, дома, стоявшие там когда-то, были снесены или просто развалились. С двух сторон возвышались глухие высокие стены какого-то завода, и земля была такой неровной и ухабистой, что порой казалось, будто под ногами у меня каменистый морской берег. Ясно было, что ярмарка — явление временное. Сегодня она здесь, а завтра исчезнет. Я ничуть не удивился бы, узнав, что ярмарка раскинулась на этом участке без всяких законных оснований. Вряд ли ее устроители заручились каким-нибудь официальным разрешением использовать землю. Скорее всего, дела у них идут не лучшим образом, подумал я. Ярмарки вроде этой обречены на вымирание; времена сейчас не те, что прежде, в дни детства моей бабушки, которая частенько вспоминала о чудесных ярмарках и цирках, где веселилась маленькой девочкой. Большую часть посетителей составляла детвора; впрочем, у детей сегодня водятся немалые деньги. Эти самые деньги они тратили, столпившись у крошечного прилавка, за которым женщина весьма унылого вида продавала мороженое и яблоки в карамели. Мне пришло в голову, что было бы намного проще и выгоднее сконцентрироваться именно на жратве и без затей торговать всякими лакомствами, оставив обреченные попытки развлекать людей, которые предпочитают развлекаться у себя дома. Но, вероятно, в тот вечер я пребывал в мрачном расположении духа. Ярмарка была очаровательна в своей

старомодности, но вряд ли способна поднять настроение хоть кому-нибудь.

Девушка у карусели по-прежнему смотрела на меня, и я был уверен, что взгляд ее полон упрека — и, возможно, даже презрения. Она была частью этой карусели и не могла с ней расстаться. Я не двигался с места, пока дети, спешившие к прилавкам, не заорали, что я торчу у них на дороге; то обстоятельство, что я был здесь единственным взрослым, не внушало им ни малейшего почтения. Оглядевшись по сторонам, я заметил вдалеке, там, где фабричные стены образовывали угол, нечто вроде брезентового шатра в красную и белую полоску. Над входом висела доска, на которой облупившимися золотыми буквами была выведена надпись: «Мечи». И более ничего. Темнота быстро сгущалась, но около палатки не горело ни единого фонаря, да и изнутри не пробивался даже слабый свет. Можно было предположить, что она служит чем-то вроде склада.

Сам не знаю зачем, я подошел ближе и коснулся грязного брезентового лоскута, закрывающего вход в шатер. Уверен, у меня никогда не хватило бы смелости отдернуть его и заглянуть внутрь. Но даже робкого прикосновения оказалось достаточно. Лоскут отодвинулся, и передо мной возник молодой человек, судя по выражению лица, имевший намерение зазвать меня внутрь. В тот же момент я заметил, что внутри шатра происходит какое-то представление. Смотреть его у меня не было ни малейшего желания, но я сознавал, что, улепетывая прочь, буду выглядеть полным идиотом.

— Два шиллинга,— буркнул молодой человек, задергивая грязный полог и протягивая не менее